

Наталья Игнатова Лонгви

Игнатова Наталья Лонгви

Наталья ИГНАТОВА

Лонгви

Он сам втянул свою империю в эту войну.

Попросили.

"Ты не политик, де Фокс".

Кто бы спорил? Он никогда и не претендовал. И не озадачивался размышлениями "выгодно - невыгодно", если шла речь о помощи тому, кого считал другом.

Христианство встало на краю пропасти. Раскол. Двоепапство. Вот-вот вспыхнет война внутри церкви и, как следствие, внутри государств. Христианскому миру необходим был внешний враг. Ладно. Он стал этим врагом.

Империя отдавала свои земли почти без боя. Войска отступали. Отступали. Отступали. Оставляли города. Аш Геррс - величайшее из государств мира рушилось на глазах, теряя то, что создавалось веками.

Христиане перли вперед, не сомневаясь ни в чем, не замечая легкости, с какой давались им победы. Объединенные ненавистью, они забывали старые распри. А империя не могла воевать. Просто не могла. Потому что нападали те, кто бесчисленное количество лет был другом, союзником, сателлитом.

Империя отступала.

- Земли на Восточном материке потеряны. - Торанго обвел взглядом Владетельных Конунгов, что собрались в зале Совета. Первые люди государства отводили глаза, избегая встречаться взглядом с правителем. Если бы в их власти было что-то изменить, они несомненно сделали бы это. Но Слово Торанго - закон для подданных. И Владетельные Конунги не могли предотвратить войну. Точно так же, как не мог сделать этого их Император. По той же самой причине: есть вещи более важные, чем сила и власть.

Земли на Восточном материке потеряны. Что будет дальше?

- Дальше Люди не пойдут. По крайней мере, сейчас. Победа далась им легко, но продолжать войну они пока не могут.

- А когда смогут?

- Сменится поколение. Родятся Люди, с которыми нас не связывают никакие обязательства.

- Вы уверены, что они не продолжат войну, Торанго?

- Уверен.

Остановить экспансию - это был минимум, гарантированный тем, ради кого началась бойня.

- Значит будем ждать.

Ждать.

Конунги разошлись. Земли большинства из них были на другом материке. И если обещал Торанго, что война вот-вот закончится, следовательно их владениям ничего не грозило.

Торанго остался один.

Он сидел в глубоком кресле, задумчиво курил побитую трубку. Скользил взглядом по вычурной мозаике пола. Красивая была мозаика. Разные породы камня, мастерски сведенные в единый узор. Любоваться на это диво можно было часами, находя все новые и новые детали, не уставая, ни о чем не задумываясь.

Жаль, что не всегда можно было перестать думать.

Мозаика. И улицы Лонгви, города-сказки, вымощены были цветным мрамором. Узорная мостовая.

"В этом городе красивой должна быть любая деталь, даже самая незначительная".

Лонгви - единственный город на Восточном материке, о взятии которого еще не пришло сообщений. Может, его просто не трогают? В Лонгви никогда не было войск.

Лонгви. Красивое, звучное, звонкое слово. Город Императора. Город любви и ненависти, счастья и боли. Ненавидимый город. Единственно-нужный. Сколько раз дрались за него баронства, королевства, империи. Сколько раз переходил он из рук в руки. Не имеющий особой важности, расположенный неудачно, даже как-то нелепо, под самыми склонами Орочьих гор, никому, если разобраться, ничем не полезный, это был город-символ. Желанная столица для любого государства.

Сколько раз ты дрался за него, Торанго?

И всякий раз он захватывал Лонгви. И всякий раз не для себя. И ни разу, ни разу в жизни он не оборонял его.

Была мечта, навязчивая идея, становящаяся иногда смыслом жизни, взять Лонгви для себя. Он воплотил ее однажды. И никто больше не посмел посягнуть на древние, истрепанные боями стены символа Людской независимости. Все верно. Нужно было совсем спятить, чтобы попытаться отобрать у него, Неистового Эльрика, город, о котором мечтал он не одно столетие.

Мечта воплотилась. Для символа независимости все кончилось. А для Лонгви только началось.

Как он перестраивал этот город! Создавал его заново. По камушку. По крупице. Шлифуя и доводя до совершенства каждую мелочь, каждую деталь.

Деньги, деньги, деньги. Они уходили на Лонгви в таких количествах, что даже сами горожане иной раз крутили пальцем у виска:

- Ненормальный.

Ненормальный. С этим спорить так же глупо, как с тем, что он не политик. Но деньги были. И более достойного применения им он не придумал бы никогда.

Лонгви. В этом городе все должно быть прекрасно.

Лучшие архитекторы работали там. Лучшие художники, скульпторы, каменщики, плотники... лучшие, лучшие, лучшие. Город-символ становился городом-сказкой. Да, еще там жили люди, но до них, право же, Императору не было дела.

Хотя, работали они, как черти. Не сразу, но прониклись идеей. И не жалели ни сил, ни денег на город, в котором им жить. Словно не эти же люди совсем недавно терпели на улицах непролазную грязь вместо мостовой, сточные канавы вместо подземной канализации, колодцы прямо посреди площадей, вместо приличного водопровода. Неужто понимать что-то начали в городе своем? Любить его стали? Особость почувствовали?

Может быть.

Весь их энтузиазм - до первой смены власти.

Ну и пусть.

От восстановленных стен Старого города - улицы-лучи. Огромные здания. Узорный камень мостовых. Строгость и вычурность. И кружева кованых оград. И небольшие, неожиданные в серой невозмутимости башен-домов, всплески зелени крохотные сады вокруг зеркальных прудиков. Университетский холм. Обилие статуй, фонтанов, и веселых, иногда даже слишком веселых маленьких кабачков. Вместе - ощущение воздушного монолита. Средний город.

А за ним Новый. Радостно-живой. Если смотреть на него со Старгородского холма, кажется, что черно-серый драгоценный камень покоится на зеленом бархате. Новый город - это сады, парки, бульвары, крохотные рынки. В Новом городе больше всего школ. И больше всего детей. Ох уж эти дети... Но без них нельзя, значит, нужно, чтобы им было комфортно.

И, наконец, Белый город. Последний. Граничный. Белый город. В названии все. Почти

по-эльфийски легкий, но лишенный той вычурности, что делает утомительными для взгляда творения Эльфов. Климат Лонгви позволял строить белые дома, не опасаясь, что в жаркий полдень солнечные лучи будут слепить глаза, отражаясь от стен.

Лонгви. Любимый ребенок. Избалованный, но не капризный. Прекрасный, загадочный, родной.

И сильный.

Сведений о том, что город взят все еще не поступало. Оставили напоследок? Надо полагать. Что там брать-то, если даже защищать его некому? Укрепления - туфта. Для красоты построены. Для контраста с легкомысленной хрупкостью.

Впрочем, хоть и туфта, а построены с умом. Более чем.

Ладно. Взять возьмут, но ломать не будут. Это ведь главное, в конце-то концов. Чтобы стоял сказочный город. А чей уж он будет... А чей бы ни был, пройдет время, отберем.

- Торанго, - секретарь смотрел странно, не то растеряно, не то смех сдерживал, - к Вам тут... Человек. Впускать?

- Человек?!

- Да. Настоящий.

- Ну, впускай.

Секретарь (одно название, что секретарь - машина под два метра ростом, плечи не проходят в двустворчатую дверь) отошел, пропуская в зал Совета разъяренного дядьку, в доспехе и со шлемом подмышкой:

- Тор-ранго! - зарычал посетитель не хуже иного Владетельного Конунга, - прохлаждаешься тут, твою мать! А Лонгви штурмуют! Хрена ж ты ждешь, паскуда?!

Он сохранил лицо. Даже трубку в руках удержал. Хотел выдержать положенную паузу, но посетитель на месте стоять не собирался, он уже шел через зал, с явным намерением дать Торанго если не по зубам, то хотя бы в ухо.

Охрана, естественно, даже не почесалась. Смотрели, мерзавцы, со стороны и ставки делали. Попадет - не попадет?

- С кем имею честь? - спросил Император, уворачиваясь от удара, и аккуратно перехватив обе руки экспансивного собеседника.

- Ах ты... - последовавший вслед за тем набор характеристик описывал кого угодно, только не Торанго Эльрика де Фокса. Во всяком случае, с точки зрения самого Торанго. В одной из ниш, откуда полагалось бы уже появиться вышколенной охране, уважительно присвистнули.

- Из ополчения я. - выдохнул дядька, утомившись ругаться. - Скинулись мы, да меня к тебе и отправили. Через телепорт. Чтоб, значит, я тебе в зубы дал и проклял по-страшному. Ты за делами про свой город позабыл что ли?

И что ему ответить? Что не забыл. Что списал со счетов сразу, еще до того, как началась война. Лонгви - город без армии. Город, обреченный сдаваться без боя, потому что страшно повредить хрупкую его красоту. В стены внешних укреплений встроены были страшные машины, способные в мгновение ока перенести весь город туда, куда пожелает Его Величество. Он так и собирался сделать, но передумал в последний момент. Почему? Да сам еще разобраться не успел.

...Поймал себя на том, что застегивает перевязь с клинками. Хиртазы ждали на огромном плацу. Пятьдесят Шефанго. И один Человек. Лонгвиец.

- Ну ты это... быстро собираешься. Я того, знаешь, в зубы-то... ну, сгоряча.

- Вперед, - равнодушно приказал Император.

Пятьдесят Шефанго. И сколько-то горожан, согласившихся побыть ополчением, не то сдуру, не то от жадности. Так не воюют. И уж тем более, так не побеждают.

А "сколько-то горожан" оказались тридцатью тысячами ополченцев. Все население, исключая совсем уж маленьких детей. Даже беременные женщины приходили на стены, приносили еду, стрелы, раздували огонь под котлами со смолой и маслом.

Лонгви собирался стоять насмерть.

И первые пять штурмов были отбиты. Не сказать, что легко, но все же отбиты. Лонгвийцы, давным-давно не помнившие, что такое война, ликовали и уже готовы были праздновать победу. Шефанго ждали неприятностей.

И дождались.

В одно прекрасное, солнечное утро под стенами города показались рыцари-тевтоны.

- ... - сказал Император.

Генерал ордена, проезжавший перед строем своих бойцов, остановился, разглядывая городскую стену. Потом спешился и низко поклонился.

Торанго поклонился в ответ.

Тевтоны. Еще одно его детище. Он разрывался когда-то между Орденом и Лонгви. Тогда выбрать не смог. А сейчас... сейчас выбрали за него.

И были парламентарии. И генерал тевтонов, глядя куда-то в переносицу Императора, говорил, как по бумаге читал:

- Ваши традиции не позволят вам драться с орденом. У нас таких традиций нет. Лонгви обречен, Торанго, и не стоит продлевать агонию.

"Лонгви обречен. - говорили глаза генерала. - Простите меня, сэр Эльрик, я помню, вы - мой наставник, и я помню, что именно вы учили нас быть прагматиками. Что произошло, сэр Эльрик? Как случилось, что мы стали врагами?"

Случилось.

- Шефанго не будут драться с тевтонами. - Император был безукоризненно вежлив и бешено-спокоен. - А у лонгвийцев нет таких традиций.

- Что ж, у вас был шанс уйти достойно.

"У вас он еще есть, мальчик..." Нет. Эти не уйдут. Убежденные в том, что воюют с врагом, настоящим и страшным врагом, пособником Дьявола, они не отступят. Дети. Так легко и сразу поверившие в то, что их бывший генерал убийца, предатель, сумасшедший.

А чего ты хотел? Разве не этого добивался, убивая обоих пап, рассыпая по землям Людей страшные семена Черных обрядов, заражая слабых духом тягой к чудовищной власти над беспомощными, распятыми на алтарях жертвами? Ты сделал все, чтобы стать им врагом. О чем сейчас жалеть?

Жалеть было не о чем. Не время. И не место. Драться нужно было. Лонгви штурмовали не только тевтоны.

Город держался. Непонятно на чем, неясно какими силами, но город держался. Под стенами стояли войска четырех государств, но Лонгви не сдавался, отражая штурм за штурмом. Люди гибли.

- Женщинам и детям нужно уходить.

- Мы не уйдем, Торанго.

- Ненормальные.

- А сам-то! Простите, Ваше Величество.

Внешние укрепления были взяты. Защитники отступали, оставляли Белый город, сияющую солнечную сказку. Дрались за каждый дом. Каждый шаг осаждающих оплачивался кровью. Белые камни, забрызганные грязью. Кровь очень быстро становится неотличима от грязи. А тела - от мусора.

И с высоты второго кольца стен, стен, ограждающих Новый город, то, что было городом Белым походило сейчас на смердящую помойку.

- Торанго, - командиры ополчения собрались вместе. - Нужно жечь.

Сердце ухнуло в гулкую ледяную пустоту. Жечь. Своими руками уничтожить то, что создавалось так долго, любовно и тщательно.

- Ну так вперед. - Боги, что за улыбка сейчас кривит его губы? Неужели такая же страшная, как гримасы на лицах ополченцев.

И жгли. Щедро расходуя гесперийский огонь. Пламя пожирало даже камень, черный дым висел над Белым... да какой там Белый - серый, мутный, погибший, гниющий... Сказка, разбитый хрустальный шар, стон ударенной о камень драгоценной скрипки...

Жгли вместе с теми, кто вошел в Белый город, рассчитывая закрепиться там. Тевтоны оказались умнее своих союзников, и не стали спешить с переноской лагеря.

А потом снова штурмы. Бесконечные штурмы. И снова гибнущие люди. Защитники города, который все равно был обречен. Бессмыслица какая, Боги!..

Отступили в Средний город. Кольцо стен вокруг него куда как меньше. Сужается радиус. Но защитников хватает в обрез. Сколько их погибло, лонгвийцев, мирных, не умевших воевать, заботившихся лишь о своем кармане... и о своем городе.

А Новый горел. Полыхал. Казалось, что камень кричит от боли, пожираемый страшным, неугасимым пламенем. Лопались узорные мостовые. Скрючивались в пламени деревья. Черный дым пожарищ. Страшная, выжженная земля там, где были сады, парки, школы, детские площадки. Сожгли все. Своими руками уничтожили собственную сказку.

- Торанго, скоро бал.

- Что?!

- Бал у губернатора, Торанго. Традиция.

- Вы что, с ума посходили?

- Традиции - основа благополучия.

Да какие тут могут быть традиции? У лонгвийцев-то! Без году неделя, как придумавших себе этот самый бал у губернатора. Ну да, было что-то такое. Его даже приглашали исправно. И он исправно отказывался. Потому что, как ни крути, а не пристало Императору появляться на празднествах столь смешного масштаба. Бал. В осажденном городе.

- Действительно. Как же я забыл? Что ж, возьмите людей на подготовку. Мужчин, понятно, отвлекать нельзя. Берите женщин и мелкоту со стен пошугайте. Носятся, чтоб им!

- Как скажете, Торанго.

К слову сказать, "мелкота" тоже была полезна. Но каждая смерть ребенка казалась катастрофой. На Ямах Собаки детская жизнь ценилась дороже, чем сотня взрослых.

И был бал. Праздник отчаяния. Бесшабашное веселье. И бутылки с вином сбрасывали со стен в руки ошеломленных врагов. Музыка. Фейерверки. Карнавалы на строгих улицах Среднего города. Танцы. Пиршества. Война.

А на следующее утро затрубили герольды, вызывая Императора на переговоры.

- Вот наши условия. - командующий гесперийской армией протягивает свиток пергамента. - Подумайте над этим, Торанго. Мы ценим ваше мужество, но сопротивление бессмысленно.

Он подумал. Честно подумал. Минут десять сидел закрывшись в своем кабинете, перечитывая список условий. Не сказать, чтобы невыполнимых. Не очень даже постыдных. Вполне таких приемлемых.

Потом размашистым своим почерком написал внизу листа: "Подите в жопу."

Гонец умчался. А через полчаса начался новый штурм.

Стены Среднего города они удерживали еще две недели. А потом отступили в Старый. И древние укрепления, давно казавшиеся лишь памятником истории, вновь приняли на себя удары вражеских катапульти.

И горел Средний город.

- Женщины и дети должны уйти.

- Мы не уйдем, Торанго.

- Мать вашу, Вы что, не соображаете, что вас убивают? Уходите из города. Через телепорты. На Западный материк. Вас примут там.

- А наши мужья останутся здесь? Умирать?

- Я никого не держу. Лонгвийцам следовало уйти с самого начала.

- Да шел бы ты сам, Торанго.

- Женщины и дети должны быть эвакуированы. Это приказ.

- А мы не Шефанго. Нам твои приказы побоку.

- Так я сделаю вас шефанго. Словом Императора жители Лонгви с этого момента

становятся Шефанго. Со всеми правами. И всеми обязанностями. Медальоны получите после войны. Император сказал.

- Мы услышали. - ритуально ответили те из хиртазов, кто остался в живых.

Лонгвийцы ошарашено молчали, еще не осознав, что же такое случилось в их жизни.

- Женщины и дети в телепорты. Мужчины, кто свободен от дежурства, помогут.

Дышать сразу стало легче. Хотя, драться - не в пример сложнее. Зато не давил постоянный страх за тех, кто не сражаться должен, а жить в мире и покое. Не убивать, а дарить жизнь. За тех, у кого все еще впереди. Должно быть впереди.

А враг накатывался. Волна за волной. Почти не давая передышки. Насколько же больше было их? Разве считаешь, если защитников Лонгви оставалось все меньше. С каждым часом меньше.

Письмо было заброшено через стену - записка прикрученная к арбалетному болту.

"Его Императорскому Величеству"

Без имени. И так ясно, какое еще величество может быть в агонизирующем, задыхающемся в кольце осады городе?

Тевтоны просили назначить время и место для переговоров. Тайных. Со стороны ордена на встречу собирались явиться генерал и магистр. Со стороны Лонгви они хотели бы видеть лишь Императора.

- Ловушка. - неуверенно пробормотал бургомистр. И стушевался под презрительным взглядом хиртазов. Торанго было и полусотней не взять, не то что вдвоем.

Встреча проходила ночью. На руинах до стеклянистого блеска сожженного Среднего города.

- Что вы скажете об этом, сэр... гм, Торанго? - спросил генерал, протягивая Императору пакет с бумагами. - Здесь много, но вы ведь очень быстро читаете.

- А вы уже ведете себя как победители. Вопросы задаете.

- Ваша школа, Торанго. - поклонился генерал. Магистр прятал взгляд. Неловко было всем троим.

А смысл донесений, собранных в объемистом пакете сводился к одному: "проверка показала, что сатанистские ритуалы, проводимые в местечке (имярек) были обычной иллюзией. Никаких следов черной магии, а так же следов эмоциональных выплесков, неизбежных при убийстве и пытках, не обнаружено".

"Проверяли, значит?"

Видимо, спросил вслух, потому что магистр ответил:

- Мы не поверили, сэр Эльрик. Вера Ям Собаки расходится с верой сатанистов по всем пунктам. И нам это прекрасно известно.

- А еще мы не поверили, что вы способны на такое. - буркнул генерал. Черт, как же мерзко вышло.

- Не чертыхайтесь, сэр Огюст. - машинально произнес Император.

- А что еще остается? Мы приносим, конечно, свои извинения. Да толку вам с них?

- Вы делали то, что должны были. А вот проверки в вашу компетенцию никак не входили.

- Это обсуждать бессмысленно. Прощайте, Торанго.

Поклонились и ушли. То есть, совсем ушли. Подняли все силы ордена и отступили от города.

На следующий день командующий осаждающих получил от генерала ордена тевтонов вежливое предупреждение о том, что подвоз продовольствия в лагеря будет прекращен. Ордену надоело терпеть на своей территории такое количество обозов. И вообще, лично ему, генералу, командующий глубоко неприятен, и лучше бы ему, командующему, уходить от Лонгви, пока есть такая возможность.

Враг возмущался. Но не уходил. Да и то сказать, глупо уходить, когда до победы остаются считанные дни. Продовольствие? Ну... придется затянуть пояса.

Затянули.

И война продолжалась. Лонгвийцам стало полегче, но все понимали прекрасно - город не спасти. Дрались от этого только злее. Когда терять нечего и умирать не страшно. Умирали. Но второе, а то и вчетверо платили осаждающие за каждую смерть.

И однажды ночью вновь заработали телепорты в Старом городе.

Вот и все. С нападением изнутри жалким остаткам лонгвийского ополчения не сладить.

А из светящихся порталов, пара за парой, спокойно, красиво даже, как на параде, выезжала степная конница. Они шли, шли и шли. Без конца. Сбивались в кулак у обожженных ворот.

За степняками появились Эльфы. Пешие. Раскланивались небрежно. Тут же выясняли, какие участки стены им надлежит занять. И расходились. Командиры ополченцев, надо отдать им должное, простояли раскрыв рты, не больше пяти минут.

Вслед за Эльфами из телепорта выехал Ястреб. Гладко выбритый. Причесанный. С цветочком в петлице. Спешился, окинув Эльрика критическим взглядом:

- Да-а. Хреново выглядишь. Ничего, что я слегка подзадержался? Деньги собрать - дело не быстрое.

И впервые за все время осады, в атаку пошел город. Тяжко раскрылись дышащие на ладан ворота. Визжащая, яростная волна степняков хлестнула из них, ударила по растерявшимся солдатам противника. Лучники бестрепетно стреляли со стен в мешанину боя. Эльфы не промахиваются. Следом за конницей вылетел из ворот шефангский хирт. Небольшой. Но убийственно-подвижный. Стена щитоносцев-Шефанго надежно защищала арбалетчиков ополчения.

И враг сломался. Одна-единственная короткая стычка оказалась решающей. Измотанные неожиданно тяжелой осадой почти незащищенного города, солдаты сдавались, не дожидаясь, пока найдет их стрела эльфийского лучника, острый клинок степного бойца или тяжелая сталь Шефанго. Сдавались. Отступали. Бежали.

И истерично трубили рога, умоляя о переговорах.

Прошла, кажется, вечность, пока убрались из под стен остатки вражеских войск. Пока очистили от трупов улицы. Встретили возвращающихся женщин. Огляделись. И осознали... Победу или поражение, сразу и не поймешь. Лонгви не было больше.

Торанго сидел на стене, глядя сквозь полуразрушенную бойницу на мертвое пепелище снаружи.

Там был Средний город. Улицы-лучи. Огромные здания. Узорный камень мостовых. Строгость и вычурность. И кружева кованых оград. И небольшие, неожиданные в серой невозмутимости башен-домов, всплески зелени - крохотные сады вокруг зеркальных прудиков. Университетский холм. Обилие статуй, фонтанов, и веселых, иногда даже слишком веселых маленьких кабачков. Вместе - ощущение воздушного монолита. Средний город.

А за ним Новый. Радостно-живой. Если смотреть на него со Старгородского холма, кажется, что черно-серый драгоценный камень покоится на зеленом бархате. Новый город - это сады, парки, бульвары, крохотные рынки. В Новом городе больше всего школ. И больше всего детей. Ох уж эти дети... Но без них нельзя, значит, нужно, чтобы им было комфортно.

И, наконец, Белый город. Последний. Граничный. Белый город. В названии все. Почти по-эльфийски легкий, но лишенный той вычурности, что делает утомительными для взгляда творения Эльфов. Климат Лонгви позволял строить белые дома, не опасаясь, что в жаркий полдень солнечные лучи будут слепить глаза, отражаясь от стен.

Лонгви. Любимый ребенок. Избалованный, но не капризный. Прекрасный, загадочный, родной.

Мертвый.

- Ваше Величество, - окликнули несмело. Да уж поубавилось нахальства у горожан, когда закончилась война. Вспомнили, что с Императором дело имеют, а не с хреном собачьим.

- Ну?

- Ваше Величество, мы тут в ратуше раскопали проекты старые. И подумали, знаете, а может вместо деловых кварталов построить этот... как вы называли... небоскреб. Он и красивый будет, и места меньше займет. А вокруг тоже парк насадить. А то что у нас вся зелень в Новом городе будет? Непорядок.

- Ненормальные... - прошептал он, стараясь не улыбнуться. - Вы просто психи.

- А Вы-то, простите уж, Ваше Величество.

- Деньги...

- Деньги есть. Чтобы у Лонгвийцев да денег не нашлось? Не в них дело. Тут мальчик умненький над проектами кумекает. Чего-то там еще переделать хочет. А к Вам идти боится. Ну, из хорошей семьи мальчик. Вежливый, потому и... в общем, вот. Примете?